

УДК 94(470)“19”
ББК 63.3(2)521.1-3

«СВЯТОЙ ДОКТОР» ФЕДОР ПЕТРОВИЧ ГААЗ

Н.Э. Вашкау

В статье раскрывается значение для современности личности Федора Гааза, нравственного подвига немецкого врача в России – христианина, который избрал своим кредо служение людям, действенную помощь беднякам. Подчеркивается бескорыстная направленность общественной деятельности Гааза, его активный гуманизм, отражавшийся не только во врачебной, но и в повседневной жизни, роль доктора в облегчении участи арестантов в российских тюрьмах и на каторге в XIX веке.

Ключевые слова: тюремная медицина, гуманизм, милосердие, бескорыстие, христианство, историческая память.

В современной истории не раз случалось так, что жизнь деятелей прошлого, о которых, казалось бы, было немало известно, неожиданно выходила из тени полузабвения и оказывалась в центре общественного интереса. Именно так обстоит дело с биографией «святого доктора» Федора Петровича Гааза.

Иоганн Фридрих Гааз (Johann Friedrich Gaass), родившийся в 1780 г. в Бад-Мюнстерайфеле (Рейнская область, Германия) и умерший в 1853 г. в Москве, был человеком, знаменитым своим бескорытием. Он сделал все, что мог, для улучшения положения заключенных в России, к нему тянулись люди, в его похоронах (похоронах католика в православной столице) участвовало больше 20 тысяч человек.

В 1909 г. перед зданием бывшей полицейской («Гаазовской») больницы был открыт памятник работы скульптора Н.А. Андреева. Имя Гааза неизменно значилось во всех российских и советских энциклопедических словарях, но явно находилось на периферии общественного внимания: милосердие, бывшее смыслом глубоко религиозного человека, в Советском Союзе оказалось не в чести.

Обращение к личности Федора Петровича Гааза тем более уместно, что 13 апреля 2012 г. исполняется 100 лет со дня рождения ученого-германиста, писателя, правозащитни-

ка – Льва Зиновьевича Копелева, являющегося автором классической биографии «святого доктора».

Гаазом восхищались предельно разные по своим воззрениям А.И. Герцен и Ф.М. Достоевский. Герцен писал: «Доктор Гааз был преоригинальный чудак. Память об этом юристом и поврежденном не должна заглухнуть в лебедь официальных некрологов, описывающих добродетели первых двух классов, обнаруживающиеся не прежде гниения тела» [6, с. 185–186].

О Гаазе упоминал Достоевский в третьей части «Идиота»: «В Москве жил один старик, один “генерал”, то есть действительный статский советник, с немецким именем; он всю свою жизнь таскался по острогам и по преступникам; каждая пересыльная партия в Сибирь знала заранее, что на Воробьевых горах ее посетит “старичок генерал”. Он делал свое дело в высшей степени серьезно и набожно; он являлся, проходил по рядам ссыльных, которые окружали его, останавливался перед каждым, каждого расспрашивал о его нуждах, наставлений не читал почти никогда никому, звал их всех “голубчиками”. Он давал деньги, присылал необходимые вещи – портянки, подвертки, холста, приносил иногда душевспасительные книжки и оделял ими каждого грамотного, с полным убеждением, что они будут их дорогой читать и что грамотный прочтет неграмотному» [7, с. 90].

В 1894 г. был опубликован «Рассказ старшего садовника» А.П. Чехова. В образе ге-

роя рассказа нашли отражение некоторые черты Федора Петровича Гааза: «Он пренебрегал зноем и холодом, презирал голод и жажду. Денег не брал, и странное дело, когда у него умирал пациент, то он шел вместе с родственниками за гробом и плакал» [14, с. 299]. О Гаазе Чехов неоднократно вспоминал во время и после своего путешествия на «кандалный остров» Сахалин, где он воочию встретился с жизнью и смертью каторжан и услышал немало преданий о «святом докторе».

В 1897 г. знаменитый юрист А.Ф. Кони выпустил небольшую, но правдивую книгу о состоянии тюремного дела в России и роли Гааза в пересмотре некоторых вопиющих сторон тюремной жизни. Упомянув о заслугах Говарда, английского человеколюбца, который привлек внимание общественности, печати, парламента к состоянию тюремного дела в Англии, отмеченных при открытии 3 июня 1890 г. в Петербурге IV международного тюремного конгресса, Кони совершенно справедливо задался вопросом: а есть ли в России такого масштаба деятели? И отвечает: «Одним из таких деятелей был доктор Федор Петрович Гааз. Не уступая в своем роде и на своем месте Говарду, человек цельный и страстно-деятельный, восторженный представитель коренных начал человеколюбия, он был поставлен далеко не в такие условия, как знаменитый английский филантроп. Последнему достаточно было встретить, проверить и указать зло, чтобы знать, что данный толчок взволнует частный почин и приведет в движение законодательство. Ему достаточно было вспахать почву, и он мог быть спокоен за судьбу своих усилий: сеятели и жнецы найдутся. Но Гааза окружали косность личного равнодушия, бюрократическая рутина, почти полная неподвижность законодательства и целый общественный быт, во многом противоположный его великодушному взгляду на человека. Один, очень часто без всякой помощи, окруженный неуловимыми, но осязательными противодействиями, он должен был ежедневно стоять на страже слабых ростков своего благородного, требовавшего тяжкого и неустанного труда, посева» [9, с. 5].

Гааз, будучи приглашен в качестве врача в Москву князем Репниным, которого он в Вене вылечил от глазной болезни, приобрел обширную практику, стал состоятельным че-

ловеком. За свои заслуги был награжден орденом Святого Владимира четвертой степени, удостоен чина надворного советника. По предложению генерал-губернатора князя Голицына, который поддерживал его во всех начинаниях, в 1828 г. Федор Петрович Гааз был назначен главным врачом московских тюрем и одновременно избран членом Комитета попечительства о тюрьмах. Проработав в нем 25 лет, он пропустил из 253 заседаний только одно по болезни. А.Ф. Кони доносит до современного читателя красноречивое в своей мрачности описание тюрем в Петербурге, сделанное англичанином Веннингем, осматривавшим их по поручению императора Александра I.

Гааз использовал комитет как трибуну, с которой говорил об ужасающих условиях пребывания арестованных и заключенных. В заседания комитета он постоянно вносил свои ходатайства об облегчении участи арестантов. Ему удалось добиться отмены печально известного «прута», внедренного Дибичем, на который во избежание побегов приковывали в кольца по 8–10 человек, невзирая на их состояние, возраст¹. 29 января 1825 г. было установлено с целью предотвращения побегов бритье половины головы всем идущим по этапу, без различия между ссыльными каторжными, беспаспортными и пересылаемыми административно, закованными и незакованными. Гааз боролся против этого позорного наказания и победил. Там, где не удалось отменить прут окончательно, арестантов перековывали в облегченные «гаазовские» кандалы, которые весили меньше, и в наручники, которые теперь были обшиты кожей. Но чиновники тоже не сдавались в этой неравной борьбе. Наручников не хватало, и стали применяться так называемые цепи Капцевича. В роскошном подарочном третьем издании книги А.Ф. Кони, напечатанном в известной типографии А.Ф. Маркса, представление о жизни арестантов и участии в ней Гааза дают прекрасные 72 рисунка, выполненные художницей Е.П. Самокиш-Судковской [8].

«Между преступлением, болезнью и несчастьем имеется такая тесная взаимосвязь, что иногда трудно, а иногда невозможно отделить одно от другого. Необходимо справедливое, не жестокое обращение с виновным, глупо-

бокое сочувствие к несчастным и тщательная забота о больном» [4], – писал Гааз в 1830 г. князю Дмитрию Владимировичу Голицыну.

Ф.П. Гааз еще при жизни стал человеком-легендой. Его подвижническая деятельность резко контрастировала с косностью и бюрократизмом российского правосудия, раздражала чиновников непонятной для них душевной и материальной щедростью по отношению к заключенным. Гааз все свои нажитые капиталы пожертвовал на устройство Полицейской больницы для бесприютных, помощь заключенным, организацию школы для арестантских детей, добивался пересмотра приговоров невинно осужденных.

В Германии имя Гааза не было широко известно, и неудивительно, если учесть, что в возрасте 26 лет он покинул тихий город близ Кельна, и только узкой среде историков медицины, а также любителей-краеведов города Бад-Мюнстерайфеля была знакома его биография. В разные годы в Германии было опубликовано несколько книг [16], которые базируются в основном на одном источнике – книге А.Ф. Кони². В 1980 г. к 200-летию со дня рождения Ф.П. Гааза в ФРГ вышла почтовая марка. В родном городе, где Гааз является самым известным гражданином, состоялись скромные торжества, которые не вышли за пределы Рейнской области.

Почему этот человек, чья биография была известна всей Москве первой половины XIX в., встречала глубокую благодарность тысяч арестантов, прошедших через этап пересыльной тюрьмы на Воробьевых горах, за облегченные кандалы, за отмену «прута», слова утешения, обрастала мифами и легендами, заинтересовал Льва Копелева в XX веке?

Лев Зиновьевич Копелев, ученый-германист, писатель, начал книгу о Гаазе в 1976 г., когда не было и намека на потепление обстановки в стране. Через рассказы детства, опыт заключения, позволивший глазами Гааза взглянуть на ужасы тюремного бытия, чтение брошюры А.Ф. Кони, сохранившейся у товарища, который принес ее в больницу Копелеву, – все это, причудливо сплетаясь, освободило Копелева от идеологии беспощадного революционного насилия, которым он был увлечен в юношеские годы [10]. Пришла осознанная не-

обходимость говорить о Гаазе как о символе бескорыстного милосердия.

Встречаясь в Москве с немецкими друзьями, среди которых были московский корреспондент западногерманского телевидения Фриц Пляйтген, графиня Марион Денгофф, издательница газеты «Die Zeit», писатель и друг Копелева Генрих Белль, Копелев всегда рассказывал им о Гаазе, посещал его могилу совместно с немецкими коллегами. Но никто из них не слышал о знаменитом в России немце.

В феврале 1976 г. Фриц Пляйтген взял интервью у Копелева, и тогда только в Германии стала широко известна биография Гааза. По просьбе М. Денгофф в газете «Die Zeit» [15] была опубликована статья Копелева. В это время он с женой Раисой Орловой готовился к поездке в Германию по приглашению Г. Белля. В декабре 1980 г. в популярном журнале «Наука и жизнь» была напечатана небольшая по объему публикация под названием «У Гааза нет отказа...», подписанная «Булат Окуджава». Подлинным автором был Лев Копелев, который к этому времени стал персоной *non grata*. Указом от 12 января 1981 г. Л. Копелев и Р. Орлова были лишены советского гражданства.

Поэтому первое издание книги «Святой доктор Федор Петрович Гааз» вышло на русском языке в 1983 г. в Лондоне. В 1984 г. биография была опубликована на немецком языке в солидном издательстве «Хоффман унд Кампе» в Гамбурге с предисловием Генриха Белля [18]. Белль подчеркивает: «Гааз учит нас различать добродушие (которое в большинстве случаев есть компонент лениности) и доброту, которая беспокойна и предполагает глубину чувств... Из рук Копелева, русского, мы получили представление о немце, которым мы пренебрегли и которого забыли». Благодаря встрече с Копелевым Алоиза Мертеса, католика, который в 60-е гг. прошлого века работал в посольстве ФРГ в Москве, о «святом докторе» Гаазе стало известно в Ватикане.

Книга Льва Копелева выразительно и доступно повествует о человеке, избравшем служение людям делом всей своей жизни. В послесловии он пишет о доброте и милосердии писательницы Ф.А. Вигдоровой. Всегда и везде она выступала защитником преследуемых, несправедливо осужденных, терпящих бед-

ствия. Она в глазах Копелева, безусловно, продолжала дело Гааза. Для Копелева было важно это подчеркнуть, поскольку он сам прошел многолетнее тюремное заключение.

Данная тема продолжает быть актуальной и сегодня. Положение в условиях содержания заключенных в современных тюрьмах если и изменилось, то в сторону внешних условий. Внутренне состояние общества, которое требует ужесточения наказания для преступников, свидетельствует о кризисе «не только системы наказания, но и подлинных человеческих отношений. В стране, где до сих пор памятны СЛОНЫ, ГУЛАГи и принудительное “лечение” в психиатрических больницах, непросто добиться гуманного отношения к заключенным. С одной стороны, кажется, что в современной России уже никого не подвешивают на дыбе, не приковывают к стулу, не забивают в колодки или кандалы... Сейчас, как и двести лет назад, российская тюрьма остается не средством исправления или перевоспитания, а “кузницей кадров” новых нарушителей законов» [1]. Уже будучи лишенным советского гражданства, Копелев предлагал учредить международный фонд имени Гааза в помощь больным заключенным и медаль Гааза, чтобы награждать врачей, фельдшеров и санитаров, работающих в тюремных больницах. Как писал в своем послесловии к немецкому изданию в 1984 г. автор, «это предложение пока еще остается мечтой». В апреле 1990 г. при участии Копелева был основан «Кружок друзей Фридриха Гааза», преобразованный затем в «Общество Фридриха Гааза».

В 1994 г. немецкая неправительственная организация «Германо-российский форум» учредила международную премию имени Гааза, присуждаемую за особые заслуги в укреплении отношений между странами. Лауреатами премии в разное время стали первый президент СССР М.С. Горбачев, директор Всероссийской государственной библиотеки иностранной литературы Е.Ю. Гениева, юрист Т.Г. Морщакова, историк В.И. Дашичев, искусствовед М.И. Туровская, писатель В.Н. Войнович. Получившая премию в 2011 г. правозащитница Э.А. Панфилова передала ее в пользу детей-сирот, воспитывающихся в московской православной гимназии.

В 1986 г. в Бад-Мюнстерайфеле, на площади, прилегающей к магистрату, были тор-

жественно открыты бюст (копия московского памятника) Гааза и расположенный рядом бронзовый барельеф Льва Копелева, который был установлен стараниями тогдашнего главного врача доктора Гарро Фюста. Через десять лет Копелеву была присуждена премия имени Александра Меня. Как справедливо сказал в *laudatio* Фриц Пляйтген, благодаря ему на немецкой родине Фридриху Гаазу пришло заслуженное признание.

В мае 2003 г. школьники 10–12 классов гимназии Бад-Мюнстерайфеля посетили Москву, побывали на Введенском (Немецком) кладбище, где похоронен Гааз, возложили венки, провели экскурсию по местам, связанным с его именем. В Центральном историческом архиве города Москвы они познакомились с подлинными документами из жизни своего знаменитого земляка. При участии общества «Мемориал» в июне того же года московские школьники побывали на родине Гааза, посетили Форум имени Льва Копелева в Кельне.

Что сделано для сохранения памяти о Гаазе в России? Книга Копелева «Святой доктор Федор Петрович» вышла в Санкт-Петербурге в 1993 году [11]. Своевременным и нужным стало издание в 2002 г. публицистом А.И. Нежным антологии «Врата милосердия. Книга о докторе Гаазе», в которой собраны документы и публикации прошлых десятилетий, ставшие библиографической редкостью [5].

В 2005 г. в России была учреждена медаль Федора Гааза – ведомственная награда Федеральной службы исполнения наказаний России. Наиболее известная межобластная больница уголовно-исполнительной системы России носит имя Федора Петровича Гааза. В нашей стране проводятся научные конференции, посвященные Гаазу. С 2009 г. ежегодно неправительственные общественные организации у его памятника в Москве проводят праздники для детей из детских домов и детей, чьи родители находятся в местах лишения свободы.

Установлены контакты между российскими медиками и «Обществом Фридриха Гааза» в Бад-Мюнстерайфеле. Недавно в России [3] и Германии [20] были защищены диссертации по истории медицины, посвященные вкладу Ф. Гааза в медицинскую практику, в курортное дело в России³ [13]. Отрадно то,

что особую главу ученые из Москвы и Регенсбурга посвятили этико-деонтологическому наследию Гааза, развитию христианского милосердия, любви к ближнему и бескорыстному служению своей профессии. Немецкие ученые подчеркивают его незаурядные способности, высокий уровень образования (он учился философии, математике, медицине в Йене, Геттингене, Вене): «Как студент, изучавший медицину, философию, естественные науки, он сформировался, совсем в духе того времени, всесторонне – по многим направлениям и был в тесном контакте с натурфилософами круга Фридриха Вильгельма Йозефа Шеллинга, чьи идеи его привлекали и оказывали на него сильное влияние [перевод наш. – Н. В.]» [21].

Экуменическое служение «святого доктора» Гааза, создававшего мост между церквями в XIX в., нашло свое выражение в начале процесса католической беатификации (возведение в ранг святых). Процесс был начат десять лет тому назад в Германии, в архиепархии Кельна, и с июля 2011 г. продолжается в Москве, где готовится провозглашение доктора Гааза блаженным. Здесь, в российской столице, возрождается и ширится его почитание, одобряемое и поддерживаемое Русской православной церковью. «Он сделал неправдоподобно много для одной человеческой жизни, отдавая всего себя защите не только телесного здоровья, но также прав и человеческого достоинства осужденных. Много сил отдал он также заботе о духовном здоровье своих подопечных, на свои средства приобретая для них душеполезную литературу. Самоотверженность в служении Христу в страдающих братьях, совершаемом в смиренной кротости и простоте сердца, сводит на нет разделяющие людей национальные и конфессиональные различия» [2], – сказал архиепископ Пецци, ординарий архиепархии Божией Матери в Москве, выступая перед прихожанами и гостями в кафедральном католическом соборе Непорочного Зачатия Пресвятой Девы Марии в Москве.

Протоирей Александр Мень поставил личность доктора Гааза в один ряд с личностями Андрея Рублева и Сергия Радонежского: «На самом деле Судья будет спрашивать нас не о теоретических убеждениях или мис-

тических видениях, а о том, что мы сделали для Его меньших братьев» [12].

Налицо новое качество общественного интереса к биографии «святого доктора». Стал широко известен его девиз «Спешите делать добро», высеченный на его надгробном камне. Легендарная личность доктора Гааза предстает перед нами как личность посредника между народами России и Германии, между социальными слоями богатых и бедных, между католической и православной конфессиями, между учеными наших стран.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ 4 апреля 1824 г. по распоряжению начальника главного штаба Дибича были введены особые ручные прутья для ссыльных, отправляемых в Сибирь через Казанскую, Пермскую и Оренбургскую губернии, затем прут был признан общим способом для препровождения арестантов всех наименований, кроме каторжных, по этапу. На толстый аршинный железный прут с ушком надевалось от восьми до десяти запястьев (наручней) и затем в ушко вдевался замок, а в каждое запястье заключалась рука арестанта. Ключ от замка находился в висевшей на груди конвойного унтер-офицера сумке, которая запечатывалась начальником этапного пункта.

² На немецком языке книга вышла в 1899 году [17].

³ В 1988 г. на русском языке был напечатан отрывок из книги Ф. Гааза «Мое путешествие на Александровские воды в 1809–1910 годах» о его поездках на Кавказ в 1809 и 1810 гг. и открытии минеральных источников, которые положили начало курортам в Железноводске, Пятигорске и др. Книга была издана на французском языке и очень высоко оценивается сегодня специалистами курортного дела. На немецком языке книга вышла в 2005 году [19].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антонов, П. Федор Гааз: человек отчаянной смелости. Со дня кончины знаменитого врача и филантропа исполнилось 150 лет / П. Антонов // Независимая газета. – 2003. – 20 авг. – С. 10.
2. Благовест-Инфо. – 2011. – 4 июля. – С. 1.
3. Блохина, Н. Н. Вклад врача-гуманиста Ф. П. Гааза в медицинскую науку и практику : дис. ... канд. мед. наук / Н. Н. Блохина. – М., 2004. – 207 с.
4. Вознесенский, С. Доктор Федор Петрович Гааз – символ российской тюремной медицины / С. Вознесенский // Российский тюремный журнал. – 2009. – № 1. – С. 1–6.

5. Врата милосердия. Книга о докторе Гаазе. – М. : Древо добра, 2002. – 544 с.
6. Герцен, А. И. Былое и думы. Ч. 1–5 / А. И. Герцен. – М. : Худож. лит., 1969. – 928 с.
7. Достоевский, Ф. М. Собр. соч. В 12 т. Т. 7 / Ф. М. Достоевский. – М. : Правда, 1982. – 320 с.
8. Кони, А. Ф. Федор Петрович Гааз. Биографический очерк / А. Ф. Кони ; с портр., 4 факс. Ф. П. Гааза, видом его могилы и 72 рис. Е. П. Самокиш-Судковской. – 3-е изд., доп. – СПб. : Изд-во А. Ф. Маркса, 1904. – 184 с.
9. Кони, А. Ф. Федор Петрович Гааз. Биографический очерк / А. Ф. Кони. – М. : Медицина, 1987. – 136 с.
10. Копелев, Л. И сотворил себе кумира / Л. Копелев. – Изд. 2-е, испр. и доп. – Харьков : Права людини, 2010. – 480 с.
11. Копелев, Л. З. Святой доктор Федор Петрович / Л. З. Копелев. – СПб. : ПетроРИФ, 1993. – 191 с.
12. Совершенно секретно. – 1989. – № 2 (июль). – Прил. № 18. – С. 2.
13. Черноситова, Т. Спешите делать добро / Т. Черноситова // Дон. – 1988. – № 3. – С. 135–145.
14. Чехов, А. П. Собр. соч. В 12 т. Т. 8 / А. П. Чехов. – М. : Правда, 1985. – 432 с.
15. Die Zeit. – 1980. – 29 Aug. – 2 S.
16. Hamm, A. Teschke G. Ein deutscher Arzt als «Heiliger» in Moskau / A. Hamm. – Berlin, Bonn, Vestkreuz-Verl., 1983. – 168 S.
17. Koni, A. Dr. Friedrich Haass, Lebensskizze eines deutschen Philanthropen in Rußland / A. Koni // Geschichte des russischen Gefängniswesens im 19. Jahrhundert. – Leipzig, Duncker und Humblot, 1899. – 207 S.
18. Kopelew, L. Der heilige Doktor Fjodor Petrowitsch Die Geschichte des Friedrich Joseph Haass – Bad Münstereifel 1780 – Moskau 1853. Mit einem Vorwort von H. Böll. / L. Kopelew. – Hamburg : Hoffmann und Kampe Vrg, 1984. – 231 S.
19. Meine Reise zu den Alexanderquellen in den Jahren 1809 und 1810. Dr. F. J. Haass als Arzt und Naturforscher im nördlichen Kaukasus. – Aachen, Shaker-Verlag, 2005. – 202 S.
20. Pfeifer, K. Arzt und Christ. Das Berufsethos von Friedrich Joseph Haass (1780–1853) / K. Pfeifer. – Regensburg, 2010. – 230 S.
21. Pfeifer, K. Friedrich Joseph Haass (1780–1853): Der «heilige Doktor» von Moskau / K. Pfeifer, W. Gerabek // Deutsches Ärzteblatt. – 2008. – № 10. – S. 26.

“HOLY DOCTOR” FYODOR PETROVICH HAASS

N.E. Vashkau

The following article gives an insight to the heroic life of Fyodor Haass, a German doctor and true Christian, who worked in Russia in 1806–1853, helping those in need, attending the poor who could not otherwise afford any medical service. The author describes Fyodor's unselfish personality, his generous spirit that he revealed not only in his humanitarian work as a doctor, but also in daily life. A part of the article is dedicated to the service the doctor provided to convicts of Russian prisons and penal servitude in the XIX century.

Key words: *penitentiary medicine, humanism, charity, altruism, Christian services, historical memory.*